

Владимир Крупин

Стояние в молитве

*Рассказы о Святой Земле,
Афоне, Царьграде*

Владимир Крупин

**Стояние в молитве. Рассказы о
Святой Земле, Афоне, Царьграде**

«Издательство Сретенского Монастыря»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Крупин В. Н.

Стояние в молитве. Рассказы о Святой Земле, Афоне, Царьграде /
В. Н. Крупин — «Издательство Сретенского Монастыря», 2018

ISBN 978-5-7533-1410-9

В этой книге впервые воедино собраны рассказы и дневниковые записи писателя Владимира Крупина о Святой Земле. «Святая Земля и Святая Русь — синонимы для меня», — пишет автор. В книгу вошли также повествование о Святой Горе Афон, рассказ о Царьграде, где с паломничеством побывал русский православный писатель.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-7533-1410-9

© Крупин В. Н., 2018
© Издательство Сретенского
Монастыря, 2018

Содержание

Незакатный свет	6
Слава Тебе, показавшему нам свет!	18
Там, где прошли стопы Его	22
Чудо чудное, диво дивное	24
Прикосновение к вечности	26
Святоземельские блокноты	27
Удержать ощущение святости	29
Не буду больше фотографировать	30
В небесных снегах	31
«Пристегнуть ремни!»	32
Иерусалим	34
Воспоминание	35
Едем	36
Елеон	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Владимир Николаевич Крупин

Стояние в молитве

© Крупин В. Н., 2018

© Сретенский монастырь, 2018

Незакатный свет

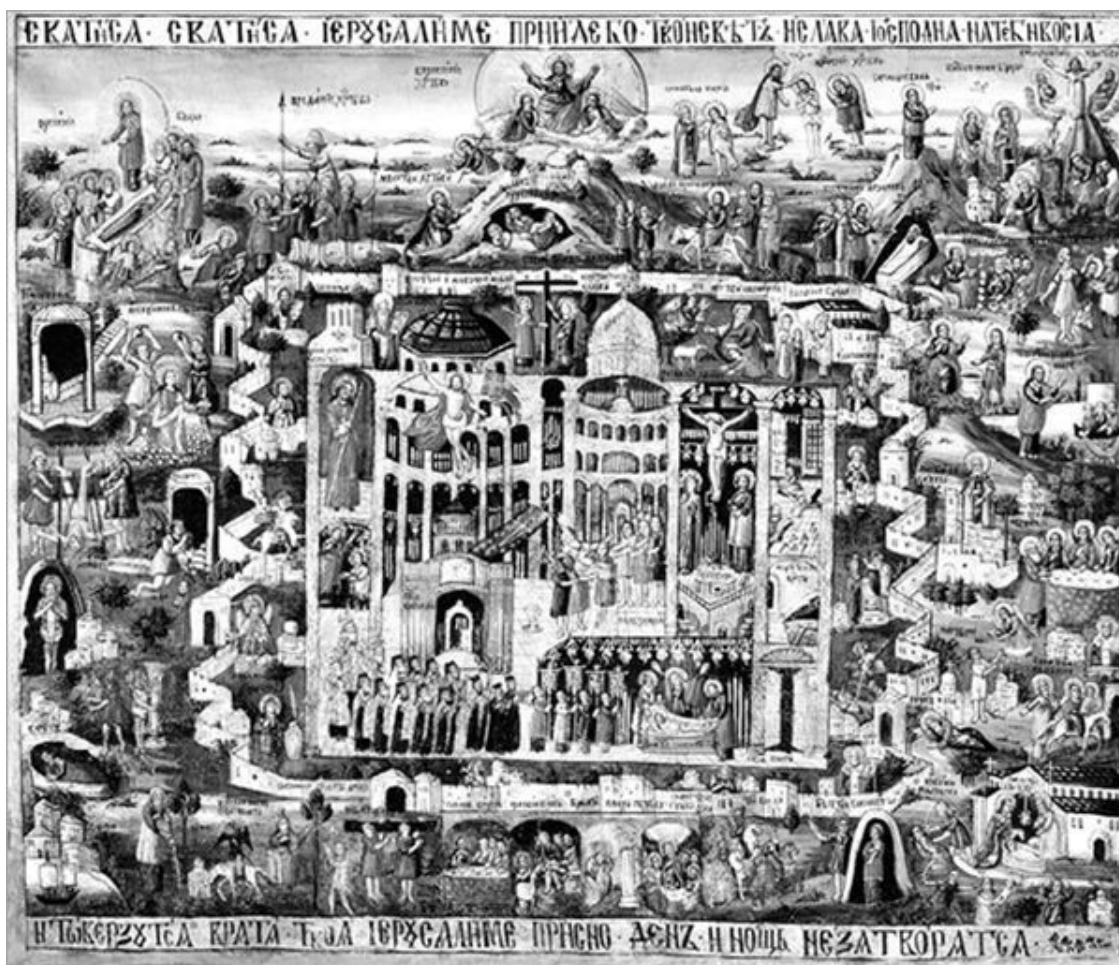
Мне не верилось, что когда-то побываю в Святой Земле. И теперь, когда уже дважды был на ней, не верится, что своими ногами ступал по следам Спасителя. Все как приснилось: и в этом дивном сиянии лучезарного сна вновь и вновь, уже совершенно бесплотно, иду по долинам и горам Палестины. Господи Боже мой, это я, грешный, поднимался на Фавор, это мое грешное тело погружалось в целебные струи Иордана, мои глаза видели Мертвое море и долину Иосафата, мои руки касались мрамора и гранита Голгофы и Вифлеема. И это я пил из источника Благовещения Пресвятой Богородицы в Назарете. Я, грешный, стоял на развалинах дворца царя Ирода, откуда был отдан приказ убить вифлеемских младенцев. Четырнадцать тысяч ангельских душ возлетели, слава Господа, к Престолу Всевышнего. Через тридцать три года в страшную Пятницу эти ангелы Божии рыдали у распятия Христа, а в воскресенье вместе со всеми Небесными Силами славили Его воскресение.

Все, что только можно, прочел я о Святой Земле. Эти описания очень разные. Сходятся они в одном: все авторы говорят о бессилии выразить словами впечатление от Святой Земли.

Молитвенность – вот слово, которое постоянно звучит в памяти слуха, когда уносишься в ветхозаветные и новозаветные времена Святой Земли. Все здесь молитвенно: медленные, редкие облака над Хевроном, зеленое и золотое сияние холмистых берегов Тивериадского моря, синее и серебристое мерцание его поверхности, по которой яко по суху ходил Иисус Христос, темная зелень и выгорающая трава горы Блаженств, тихое шелестение ветра в листьях деревьев Фавора, жаркое дыхание раскаленных серо-коричневых склонов Сорокадневной горы, ласковое прохладное течение хрустальных вод Иордана... Все-все говорит нам о святости и вечности. И о том, что именно здесь свершилась победа над смертью, именно здесь Господь открыл тайну спасения души. Она легка: не надо грешить. И она тяжела: не грешить трудно.

Иерусалим. Николай Ярошенко. 1896 г.

Святися, святися Иерусалиме

Мы стремимся к Святой Земле, потому что чаем спасения.

Нет ни одной церковной службы, ни одного праздника, которые бы не соединяли нас с Палестиной. Раскройте Евангелие на любом месте – и вы унесетесь сердцем и мыслями на пути и тропы, пройденные Иисусом Христом, Его Пречистой Матерью и Его учениками.

Но тот, кто был в Палестине, знает этот мучительный, неотступный вопрос: если я был в Иерусалиме и не стал лучше, зачем же я тогда ездил? И разве нам, немощным, достичь хотя бы капли той святости, о которой я слышал от одной из монахинь Горненского русского монастыря? Некий человек так возлюбил Христа, что всю жизнь посвятил Ему. И всегда стремился в Иерусалим.

Но, считая себя недостойным, все молился и молился. Наконец пошел пешком. И все-таки, уже подойдя к стенам Иерусалима, человек сказал себе: «Нет, я недостойн войти в город Спасителя. Я только возьму три камня от его стен и пойду обратно». Так и сделал. В это время старцы Иерусалимские сказали: «Надо догнать этого человека и отнять у него два камня, иначе он унесет всю благодать Святого Града».

И мы, грешные, тоже стараемся увезти с собою хоть крошечки благодати. В гостинице Вифлеема, где я жил первый раз, я спросил у палестинца-администратора Дауда (Давида) (он говорил, по-моему, на всех языках):

– Дауд, скажи, чем русские паломники отличаются от других: от американцев, французов, англичан, немцев?

Дауд весь озарился и заулыбался:

– О, очень просто: у всех чемоданы, чемоданы, чемоданы, а у вас цветы, листья, камни, вода.

Помню, провожали нашу группу. Я увидел женщину в годах, которая еле-еле тащила две сумки. Я кинулся ей помочь, перехватил их и чуть не надорвался:

– Матушка, да ведь ты, наверное, весь Иордан увозишь?

– Ой, миленький, – отвечала она, – ведь меня так ждут, так ждут! И в детдом надо бутылочку, и в больницу, и в тюрьму. А подружек-то у меня, а родни!

– Но ведь это такая тяжесть.

– Миленький, мне только до Казанского вокзала, а там уж поезд довезет. Из Саратова я. И ведь довезет. И уже довезла.

Может быть, промыслительно Святая Земля так далеко от России и так труднодоступна. Нельзя привыкать к святыне. И неделя, десять дней паломничества, прожитые в святых местах, потом превращаются в долгое счастливое время воспоминаний. Господи Боже мой, я в Вифлееме жил десять дней! Как же я любил и люблю его! И какое пронзительное, почти отчаянное чувство страдания я испытал, когда во второй раз нас завезли в Вифлеем еле-еле на два часа. Да еще и подталкивали в затылок: скорей, скорей. Как же улетало мое сердце по всем направлениям от площади храма Рождества Спасителя! Ведь не осталось улочки, по которой бы не прошел. Помню то счастье, когда я вернулся из поездки и уже было поздно. И помню, как вдруг что-то позвало и я выскочил из гостиницы под звездное небо. Ведь это то небо, по которому шла звезда к Вифлеему. Вот там, не видно, но знаю, там Бейт-Сахур, дом пастухов. На месте, где ангелы сошли, воспевая: «Слава в вышних Богу, на земли мир, в человецех благоволение», стоит храм. Отсюда пастухи шли в Бейт-Лехем, в «город хлеба» (так переводится с арабского *Вифлеем*). Не было этих домов, машин, этой музыки уличных ресторанов. Но звезды, но ветер, но горы всё те же.

Как представить, что звезда идет по небу? А как представить, что в последние времена солнце померкнет, луна не даст света и звезды сместятся? Я стоял в темноте палестинской ночи, запрокидывал голову, и мне на лицо радостным дождем сыпались звезды. Представлялись ясли, сухое душистое сено, добрые морды коров и овец и эти пастухи, сразу поверившие бесхитростными сердцами, что в мир пришел Спаситель. И умные звездочеты, и купцы, и золото, и ладан, и смирна. Как вместить, как понять великую милость Бога, Его любовь, и терпение, и спасение нас, грешных, посланием в мир Своего Сына. Это было здесь, здесь, в городе Давидовом. И за что мне такая неизреченная радость? Чем отблагодарить за нее?

И еще, и еще были звездные сухие ночи и жаркие дни в Святой Земле, но не видел я, чтобы звезды меняли установленный Творцом порядок. А вот то, что солнце может ходить в небесах, смещаясь с орбиты, это я видел и об этом расскажу. И сердечно винюсь в том, что рассказ мой будет слаб и невыразителен по сравнению с тем, что я видел, что пережила моя душа и что теперь уже на веки вечные в памяти сердца.

Долго рассказывать и не надо, как я попал в Страстную Субботу в Храм Гроба Господня. Мне же надо было перебраться из палестинской территории на израильскую. В начале седьмого утра я был у ворот Святого Града, вошел в них, дошел до храма, но... уже всюду были войска, полиция, в храм не пускали. В храме, я знал, были те из паломников, которые пришли в него чуть ли не за сутки до двух часов следующего дня, то есть до того времени, когда на Гроб Господень нисходит небесный Благодатный огонь. Схождение огня – главное событие жизни земли, планетарное потрясение, которое продлевает существование рода человеческого еще на год.

Я заранее, еще в Вифлееме, в храме Рождества, купил пучки свечей, в каждом тридцать три свечи, по числу земных лет Спасителя. Утешал себя тем, что вынесут же огонь и на площадь, и на улицы, что все равно же обожгут свои свечи Благодатным огнем. Если он будет.

Узенькие улицы были пустынные, только мелькали на перекрестках полицейские да внутри лавочек, за закрытыми ставнями, что-то скреблось и стучало. Тут Господь мне послал рабу Божию Евтихию. Она сама подошла, видя, что я озираюсь и читаю таблички.

– Вы ищите Скорбный путь?

– Да, конечно, да.

– Идемте.

И Евтихия провела меня по Крестному пути Спасителя, по Виа Долороза. Сколько раз я мысленно шел по нему и вот – наяву. Потом я сопоставлял свои представления с реальностью – все совпало. Только я представлял путь более крутым и прямым, а он пологий и извилистый.

История Евтихии проста: ее дочь вышла замуж за израильтянина. Потом они уговорили мать приехать к ним жить.

– Говорили, что навсегда. Я все продала, перевела в доллары, привезла. А оказалось, нужна была только как нянька. Вынянчила внучку и стала не нужна. Уеду умирать к сыну. Вот еще попросила зятя свозить на Синай. И все. И уеду. Сын примет и без денег.

Евтихия шла на утреннюю службу к гробнице Божией Матери, я пошел с нею. Вышли из Старого города, перешли Кедрон. По-прежнему было пустынно. Евтихия показала Гефсиманский сад, церковь Марии Магдалины на склоне Елеонской горы, и мы, поклонясь друг другу, простились.

На ступенях гробницы по бокам горели свечи. Внизу, под гирляндами лампад, греки начинали служить литургию. Подойдя, насколько было можно, к гробнице, я упал на колени и молился Той, Чьим Домом стала Россия, под Чьим покровом мы спасаемся. И как вспомнил акафист Ее Покрову и то, как в Покровском храме Духовной академии поют «Радуйся, Радосте наша, покрый нас от всякого зла честным Твоим омофором», как вспомнил распев молитвы «Царице моя Преблагая», как зазвучали в памяти высокие молитвенные звуки 13-го кондака акафиста «О, Всепетая Мати», так стало сладко и отрадно, что я – православный, русский, что мне не стыдно за свое Отечество, не забывшее Божию Матерь.

Взял на память белых свечей и пошел в Гефсиманский сад. Маслины, низкие, огромной толщины, корявые, были зелены. Лишь та, у которой, по преданию, Иуда лобзанием своим предал Христа, была мертва, суха, в коростах желтой плесени. Место, где повесился Иуда, тоже было недалеко, но я туда не пошел.

В католическом храме у Гефсиманского сада тоже шел... молебен, хотел я написать, но молебен ли то был? Молящаяся... но опять же молящаяся ли молодежь была? Скорее поющая молодежь. Сидели они в открытом алтаре... алтаре ли? Брякали на гитарах и пели. Слава Богу, и здесь было на что перекреститься, было распятие. Я вышел, обошел, молясь, сад, подобрал несколько продолговатых листочков, пришел к закрытым воротам храма Марии Магдалины, прочел молитвы, поклонился праху преподобномучениц Елисаветы и Варвары.

И вернулся через Гефсиманские ворота к храму святой Анны, к Претории, откуда начался Крестный путь Спасителя. И... ничего не узнавал. Как, ведь только что, часа полтора назад, мне все показала Евтихия, я все запомнил, хотел в одиночку пройти весь Крестный путь. Но где он? Все кругом кипело, кричало, торговало, продавало и покупало. Неслись мальчишки с подносами, продирались тележки с товарами, ехали велосипеды с большими багажниками или же с прицепами. Меня хватали за руки, совали прямо в лицо разную мелочь. Безошибочно узнавали во мне русского. А ведь только русских и можно обмануть. Торговаться мы не умеем и не любим, это наше достоинство на Ближнем Востоке принимается за недостаток. Араб или еврей, я их плохо различаю, тряс связкой четок и кричал примерно так: Горбачев – один доллар, Ельцин – один доллар, Россия – миллион долларов, четки – десять долларов.

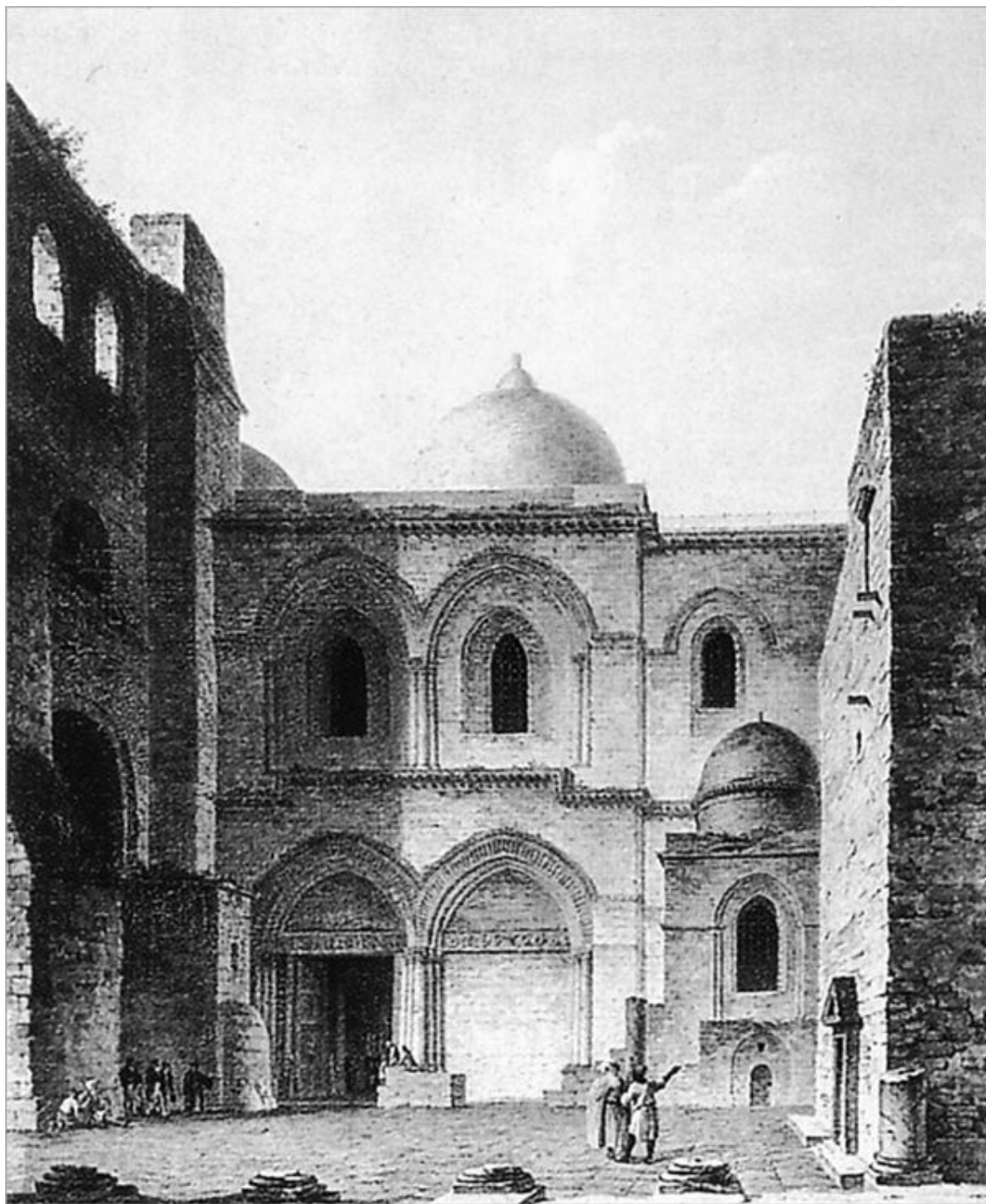
Скорбный путь описан стократно, он такой и есть, как на фотографиях; вот дом Вероники, вот тут схватили Симона Кириянина, заставили нести крест. Симон ехал с сыновьями на поле. Он понес крест, а сыновья поехали дальше. Тут Антониева башня. В этот пере-

улок можно свернуть, выйти к мечети Омара, там иудейская Стена Плача, а подальше мечеть Аль-Акса. Отполированные камни улицы холодили босые подошвы. Вот след руки Спасителя. Изнемогая, Он прислонился к стене. У следа Его ладони фотографировались, примеряя к впалдине свои ладони и обсуждая размер, какие-то европейцы. Я ощутил в себе подпирающую к горлу печаль: да что ж это я такой бесчувственный, я же на Скорбном пути, я же не турист – ходить по схемам буклетов. Я пытался найти хотя бы какой угол, где бы мог стать один, чтоб не толкали, чтоб помолиться. Но если и был какой выступ, он не защищал от шума и крика торговцев. «Сам виноват, – думал я. – Чего поехал, если не достиг той степени спокойствия души, когда она открыта только для Бога и закрыта для остального?»

Вот резкий поворот налево, вот вскоре еще более резкий направо – и я уперся в плотную цепь патрулей. Цепь эту преодолевали или по пропускам, или за деньги. Деньги брали открыто и хладнокровно. Ни денег, ни пропуска у меня не было.

Совершенно расстроенный, пошел вниз, снова к Гефсиманским воротам, вернулся, снова уперся в еще более усилившиеся цепи охраны. Между тем солнце поднялось и проникало даже в тесные улочки. Время перешло одиннадцатый час. Страстная Суббота. В это время над Спасителем были сомкнутые своды каменной пещеры, огромный камень прикрывал вход. У входа сидели солдаты, обсуждали вчерашнюю казнь. Приходили и любопытные иудеи, радовались, что Мессия оказался простым смертным. И Какой это Мессия, Он не дал иудеям ни власти, ни денег, изгнал из храма торговцев, говорил о бесполезности собирания земного богатства. Нет, к иудеям придет их, настоящий мессия, даст власть над людьми и пространствами. Все будут рабы богоизбранного народа. Ученики Христа разошлись, боялись даже встречаться друг с другом взглядами. Уже думали после погребения вернуться в Галилею к своему рыбацкому промыслу. Суббота после страшной Пятницы, день скорби, день плача, день отчаяния...

Вдруг раздались громкие звуки оркестров, барабаны, крики. Толпа хлынула на их зов. Меня понесло вместе с толпой к Новым воротам. Но что-то вдруг – и с этого момента я уже не руководил своими действиями – что-то вдруг повернуло в одну из улочек, и я выскочил из Старого города через Яффские ворота. Потом я пытался понять, как же я все-таки смог попасть в Храм Гроба Господня? Только Божией милостью. Как я прошел три плотные стены оцепления, как потом проник через три кордона охраны, не знаю. Я стоял на тротуаре, в коридор, сделанный в толпе полицией, входили – как сказать? делегации? – входили, лучше сказать, представители различных конфессий: армяне, копты, греки, с греками шли наши. Очень походило на открытие Олимпийских игр. Оркестры наяривали вовсю. Хоругви и иконы, несомые как на митинг, подбрасывали и крутили, на ходу плясали. Может, они подражали царю Давиду, плясавшему пред Ковчегом?

Вход в храм Воскресения Христова в Иерусалиме. Максим Воробьев. 1822 г.

Кто, в какой момент толкнул меня в спину, как я совершенно спокойно прошел охранников, не знаю. Бог весть. Как потом прошел еще три кордона, на которых совершенно безжалостно вышвыривали из рядов не членов делегаций, не знаю. Последний кордон был особенно жестким фильтром. В грудь мне уперся здоровенный полицейский, а так как полиция в Иерусалиме вся русскоговорящая, то он и спросил по-русски: «А ты куда?» Почему, не знаю, я сказал совершенно неожиданно для себя: «Я батюшкам помогаю» – и, помню, сказал с такой уверенностью и силой, что полицейский отступил, сказав: «Верю, верю». Я еще успел даже кинуться на колени и приложиться к колонне, из которой вышел Благодатный огонь именно для православных, когда однажды их оттеснили от Гроба Господня армяне.

Именно с армянами я и прошел в храм. Меня вознесло общим движением на второй ярус, рядом с часовней Гроба, с Кувуклией. Теперь когда гляжу на фотографии внутреннего храма,

то вижу слева от часовни на втором ярусе тот пролет, ту арку, в которой был в ту Страстную Субботу. Народа было в храме набито битком. И все прибывало и прибывало. Полицейские не церемонились, расчищали дорогу вокруг часовни. Упорно не желавших покинуть место у часовни просто оттаскивали. И даже били дубинками. Красивая девушка в полицейской форме хладнокровно, будто на молотбе, лупила дубинкой по голове и спинам. Изгнав непослушного, она продолжила что-то рассказывать друзьям по работе. Солдаты в касках и с рациями стояли кучками в разных местах.

И что-то невообразимое творилось во всем храме, особенно у алтаря часовни. Молодежь кричала, пела, плясала. Девицы в брюках прыгали на шею крепким юношам, и юноши плясали вместе со своим живым грузом. Колотили в бубны, трубили в трубы. Арабы как дети, они считают, что если не будут кричать, то Господь их не заметит. Такой менталитет. Иногда они начинали враз свистеть. Я впервые ощутил физическую осязаемость свиста. В это время воздух в храме становился будто стеклянным.

В тесноте и пестроте пробившихся в храм были различимы лица православных паломников. Наших я узнавал сразу. По выражению лиц, особенно глаз. Губы шептали молитвы. Если бы не спокойствие и молитвенность православных, что же бы тогда окончательно было в храме? Я стоял потрясенный, оглохший от криков и свиста, ужасающийся тому, как били и вышвыривали людей. Да мало того, у полицейских был еще и такой прием: чтобы кого-то образумить, они направляли на него рупор мегафона и резко кричали. Многократно усиленный звук, видимо, ломал барабанные ушные перепонки и вводил человека в шок. Его, бесчувственного, утаскивали. И вот я думал: не может быть, чтобы вот сюда, этим людям, нам, таким грешным, Господь низвел с небес огонь. За что? Да впору под нами разверзаться земле, поглощать нас в бездну, чтобы очистить место под небесами для других, достойных.

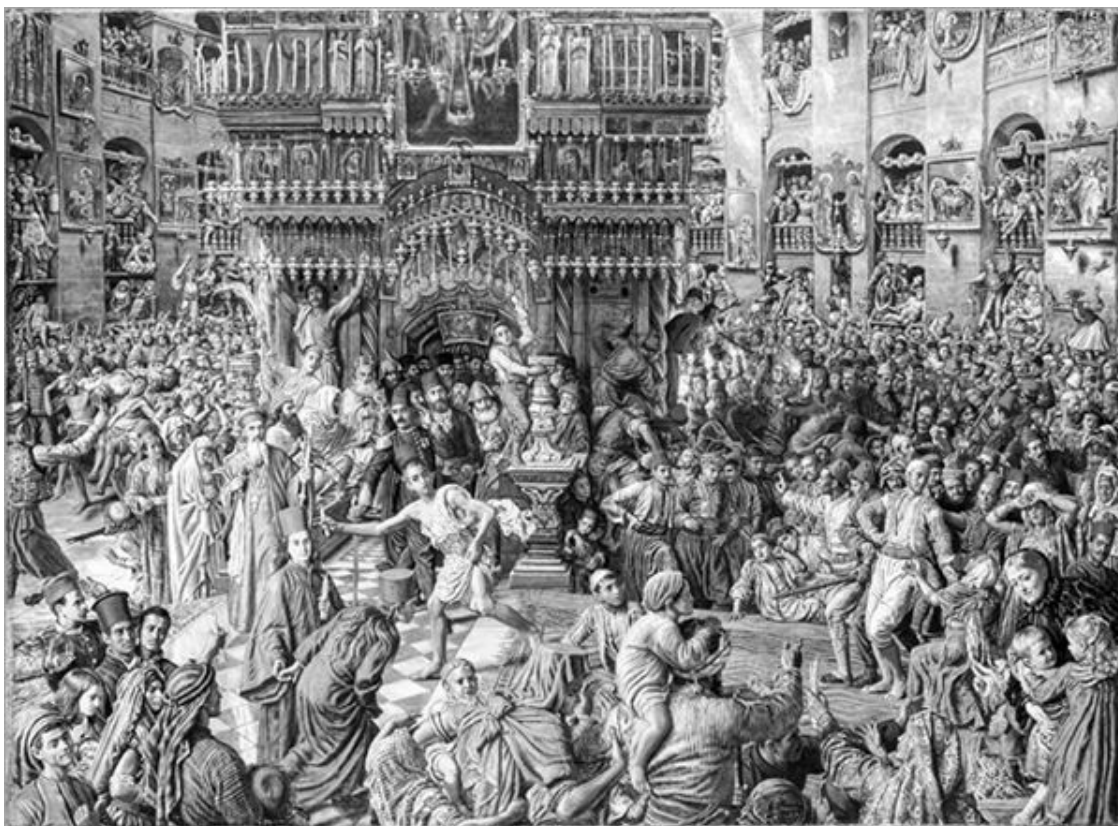
Мало того, началась драка. В храм ворвались крепкие парни лет между тридцатью и сорока. В белых футболках, с красными платочками на шее, будто с галстуками. Это чтобы в драке видеть своих. Дрались копты и армяне. Дрались до крови. Появление крови вызвало крики ликования. Полиция работала дубинками всерьез, драку подавили. Раненого увели. Барабаны и бубны, трубы и свист усилились. Из-за чего они дрались? Говорят – традиция. Примерно к часу полиция вновь расширила коридор вокруг часовни. Входили священнослужители, вносили патриарха Иерусалимского Диодора. Его принесли на носилках. Слабой рукой, невысоко ее поднимая, он благословлял молящихся, или, лучше сказать, собравшихся. Его обнесли один раз, он сошел с носилок у входа в Гроб Господень и стоял, остальные священники обошли часовню еще два раза. В шуме не было слышно слов молитвы, но мы знаем, что в это время поется воскресная стихира шестого гласа: «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесех, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить».

Принесенные в храм иконы и хоругви выстроились по сторонам входа в Гроб Господень. На возвышении с патриарха сняли верхние облачения. Он остался в подризнике. Арабы в форме турецких солдат демонстративно обыскали патриарха. Потом была снята печать и дверь, олицетворяющая камень, закрывавший пещеру, отворилась.

В храме становилось все тише и тише, и вот наконец, около двух часов дня, стало так тихо, что слепому показалось бы, что он один в этом огромном пространстве. Наступили щемящие минуты ожидания; уверен: все молились о ниспослании огня – и думаю: все так искренне каялись, что именно по его грехам огонь медлит сойти, что вот тут-то все были единомысленны и единомолитвенны. В эти минуты все особенно остро понимали, что огонь от Господа сходит с небес только на православную Пасху.

И вот здесь я воочию увидел то, что никогда не пойму и не объясню своим слабым умом. Луч солнца, падающий с небес от купола, как раз с моей стороны, стал... ходить по часовне. Я думал, у меня что-то с головой. Ведь для того, чтобы луч солнца двигался вправо и влево, нужно было бы одно из двух: или чтобы весь храм двигался туда и сюда, или чтобы солнце рас-

качалось на своей орбите. В это же время слабые то белые, то голубоватые всполохи огоньков стали появляться в разных местах храма: они то сбегали струйкой по колоннам, то вспыхивали вверху или прямо над головами. О, тут уже все поняли, что это идет Благодатный огонь, тут уже такой крик поднялся! Кто плакал, кто хватал в объятия соседа. Из окна часовни патриарх подал горящие свечи. Но уже огонь был всюду. Потом говорили, что у одного нашего дьякона в руках загорелись свечи, хотя он был далеко от Гроба. Я, грешный, этого не удостоился. Но у монашки, стоявшей рядом, загорелись. Я от них зажег свои. Пламя было сильным, светло-голубым и ласковым, теплым. У меня было четырнадцать пучков. Прямо костер пылал у меня в руках, и я окунал в этот костер свое мокрое лицо.

Чудо Благодатного огня. Уильям Холман Хант. 1892–1899 гг.

Всюду были огни. И уже я не слышал криков, будто эти огни выжгли все плохое в храме и вокруг, оставив только ликование. Горящими свечами крестились, водили огнем по лицу, погружали в огонь руки, дышали огнем, который не жег.

Но уже бежали полицейские и требовали гасить свечи: много дыма поднималось от них и заполняло пространство. Тут снова я был свидетелем чудес: весь храм стал небесно-голубым, и запах от горения явно не восковых, не медовых свечей стал вдруг ладанным, благоухающим. Вскоре – как вскоре, не знаю – голубое, небесное сияние сменилось внезапно утренне-розовым. А лучи солнца и при голубом, и при розовом были золотыми.

У выхода из храма, у Камня помазания, началась давка, вновь ощутились крики: это полицейские расшвыривали людей, чтобы дать дорогу носилкам с патриархом Диодором. Совершенно бледный, измученный, он улыбался и благословлял на обе стороны. Носилки вынесли, давка усилилась, будто люди получили разрешение еще на год давить и попирать друг друга. В толпе кричали на женщину с большим жестяным фонарем. От него отскакивали. Внутри фонаря горели три толстые свечи. Конечно, это была православная. По примеру русских паломников прежнего времени она вознамерилась увезти на родину Благодатный огонь.

Я перехватил у нее фонарь и поднял его выше голов. Нас разнесло в разные стороны. И лишь на площади перед храмом мы встретились. Она, заплаканная, подбежала и только спрашивала: «Как тебя зовут, как тебя зовут?» – «А тебя как?» – улыбаясь, отдавая ей раскаленный фонарь, спросил я. «Да я-то что, я-то Эмилия».

Главное впечатление от Святой Земли – это наши паломники. Для многих других (я не в осуждение говорю, а делюсь наблюдениями) Святая Земля в основном – объект туризма. Бесчисленные группы обвешанных кино- и фотоаппаратурой иностранцев всюду, куда ни приедешь. Израиль дорожит бизнесом туризма. Удобные, прохладные, часто двухэтажные автобусы с туалетами и телевизорами перевозят группы от объекта к объекту. Среди объектов в первую очередь – магазины алмазной биржи, сувениров, святые же места такие автобусы не очень жалуют, стоят в них помалу, а у ресторанов подолгу. Опять же не осуждаю: и есть, и пить надо – но невольно сравниваю две поездки с двумя провожатыми: одна с израильским гидом Зитой, другая – с монахиней Феодосией. Зита явно, Бог ей судья, не любила палестинцев. «Смотрите, какой контраст! – восклицала она, когда мы въезжали на палестинскую территорию. – Мусор метут с одной стороны улицы на другую». Рассказывала, что палестинские мальчишки бросают камнями в израильские машины. Сказать же, что палестинцы для израильтян – люди второго сорта, она не захотела. Но ведь факт, что в Иерусалим палестинцы не могут въехать или войти, что у них другие номера на машинах, другие паспорта, что израильские патрули останавливают и бесцеремонно их обыскивают. Помню, как нашу машину останавливали и у гробницы Рахили, и при подъезде к Лавре Саввы Освященного.

Но и это еще что. Зита умудрилась говорить о Христе как о мифе, как о легенде. Кстати тут сказать, что подобных текстов я наслушался, когда жил в Вифлееме и каждую свободную минуту бежал в храм Рождества Христова. Греки уже меня узнавали. Слава Богу, я много святых минут был один-одинешенек у Вифлеемской звезды, у яселек, куда положили спеленутого Богомладенца. Так вот, русскоговорящие гиды Израиля могли говорить своей группе: «Здесь, согласно сказанию, родился якобы (!) Сын Божий». Или: «Из этой мраморной колонны – видите пять отверстий? – якобы вылетели пчелы, которые стали жалить турецкую конницу», во что ваш покорный слуга не верит. Или: «Этот портрет, – так они, Бог им прости, называли образ Спасителя, – который находится над входом в пещеру, якобы (!) открывает глаза по особым молитвам». Но эта икона Христа над ступенями в пещеру действительно чудодейственна. Я, грешный, видел устремленные на меня глаза Спасителя. А так обычно они закрыты.

Когда Зита поняла, что группа ей досталась не новых русских, что биржи нам неинтересны, то начала усиленно рассказывать о достижениях передовой науки и техники Израиля. «Наша обетованная земля очень скудна и камениста, мы стали сами делать землю. У нас есть заводы по созданию почвы. Собираются необходимые компоненты, и создается земля. В ней нет червей, но на ней все хорошо растет». Это ужас – представить искусственную землю, в которой не живут необходимые ей черви. То есть это не земля, а синтетика. Дальше – больше. «По иудейским законам мы не едим свинину, и свиньи не могут ступить на землю Израиля. Но свинина – выгодный продукт экспорта, поэтому мы выращиваем свиней на особых помостах, поднятых над землей на пятнадцать сантиметров». Дальше еще страшней: «Посмотрите налево, это наши еврейские коровы. У каждой на ноге электронный счетчик. Пастух смотрит на компьютер и видит, что корова номер такой-то не дошагала до положенного двести шагов. Он побуждает ее их проделать. Коровы обслуживаются полностью автоматически. И дойка, и кормление – все это без участия человека». Ну, думал я, это же концлагерь для коров. Нет уж, лучше пусть будет пастух Вася, пусть он даже и с похмелья, зато всех своих подопечных знает. Знает, что Зорька бодливая, а Милка может убежать на озимь, а Иволга еще не обгулялась. А сыновья пастуха Васи накопили червей и убежали на речку.

Но вернемся в Израиль. Зита уже рассказывала о концлагерях для рыб. Рыбы, оказывается, приучены хвостом ударять по проволоке, тогда им выделяется порция корма. «Но наша

наука идет все дальше и дальше, – цитирую Зиту, – мы стали выращивать овощи и фрукты в необходимых заказчику формах. Например, мы выращиваем кубические помидоры. Их легче укладывать и перевозить». Думаю, такая форма, конечно, от жадности, чтоб в ящик больше вошло – во-первых, а во-вторых, это же самое настоящее богоборчество: если Господь дал помидорке такую форму, как же ее исказить? «Мы выращиваем клубнику и землянику в форме пяти- и шестиконечных звезд для рождественских елок».

Все-таки, думаю, ума много не надо – надеть пластиковый чехол в виде звездочки на ягоду или прозрачный кубик на помидорку, там они, бедняжки, будут силиться расти и заполнять ограниченные тюремные пределы. Тем не менее Зита гордилась искренне.

Наша матушка Феодосия возила нас в автобусе менее комфортабельном, обеды наши были не в ресторанах, а сухим пайком. Зато мы обедали на берегу Геннисаретского озера, рядышком с храмом Двенадцати апостолов. Заходили в воду, и в наши ноги тыкались, как доверчивые щеночки, мальки рыбы, которая известна под названием петровской. Матушка вместе с нами огорчалась тому, что сейчас на Фавор нельзя подниматься пешком. Она еще помнила такие времена. Теперь не то. Как будто паломники своими ногами, идя по дороге или по остаткам лестницы в три с лишним тысячи ступеней, могут что-то испортить. Конечно, тут все дело в наживе на паломничестве. Привозят на автобусе, высаживают, дальше гони шекели или доллары и садись в такси на восемь человек. Шофер понесется по изгибам дороги с такой скоростью – только и будет внизу мелькать то слева, то справа долина Иерихона, а вдалеке взблескивать полоска Иордана; так закружит голову, что выпадешь из такси перед площадкой храма Преображения бесчувственным. И услышишь категоричное: «Через двадцать минут обратно».

И все-таки!.. Все-таки Господь милостив: все успеваешь – и приложиться к святым иконам, и образочки купить, и маслицем помазаться. И выйдя из храма, отойти подальше и лечь на сухую, горячую, благоухающую цветами и травами землю. И вот эти мгновения перекроют все огорчения и невзгоды.

Есть такая добрая шутка. Паломник возвращается домой и говорит: «Я в трех морях купался: в Тивериадском, в Галилейском и в Геннисаретском». Конечно, это одно и то же море. В него втекает Иордан, вытекает у Кинерета, течет с севера на юг по Палестине и исчезает в черной пропасти Мертвого моря километров за пять от места крещения Спасителя. К этому месту не пускают. Я попробовал скрыться от провожатых, когда они сидели на дворе монастыря преподобного Герасима, и потихоньку пошел к Иордану. Вот же он, вот, можно даже доползти. Где-то тут уходила в Заиорданье преподобная Мария Египетская, тут несправедливо обиженный лев привел в монастырь украденного осла, здесь первомученик, первомонах, первоапостол Нового времени святой Иоанн Креститель увидел идущего к нему Спасителя. Но не сделал я и сотни шагов, как раздались тревожные крики, меня вернули. И напугали, что иорданские пограничники стреляют без предупреждения. Что место крещения Господня открывается для молебна раз в году – 19 января.

Но и погружение в Иордан у Кинерета такое благодатное, такое целительное, так не хочется выходить на берег, так быстро бежит время. Только что, казалось, батюшка читал молитвы, благословил купание, а уже, оказывается, прошел час. Многие купаются в специальных рубашках с изображением крещения Господня. Эти белые рубашки увозятся на родину, и в них, как кому Бог даст, православные надеются быть положенными во гроб.

Со мною на Галилейском море было явное чудо Божие, которое я сам, по своему маловерию, утратил. Очень коротко расскажу. Мы подъезжали к русской церкви Марии Магдалины, к месту, где Спаситель изгнал из Марии семь бесов. Матушка Феодосия говорила еще, что тут древние теплые ключи. А кто-то сзади меня, знающий, сказал, что в этих ключах высокое содержание родона. Так вот, нас благословили окунуться и в море, и в эти, действительно теплые, прямо горячие, ключи. Еще я умылся из источника преподобной Марии. Уже торо-

пили в автобус. Я прибежал в него и попросил у художника Сергея Харламова (он всюду делал зарисовки) посмотреть новый рисунок. И стал рассматривать и радоваться. Видел тончайшие штрихи – и вдруг потрясенно понял, ощутил, что вижу без очков. Я дальнорезок, вдаль вижу как сокол, а вблизи уже без очков ничего не могу прочесть, даже крупного шрифта. Но я видел! Видел рисунок, видел стрелки на часах, взял для проверки арабскую газету и различал даже самые маленькие буквы. Разве не чудо сотворил для меня, грешного, Господь? Я видел и вдаль, и даже лучше прежнего. Справа остались места насыщения пятью хлебами пяти тысяч, гора Блаженств, впереди и справа холмы и долины Галилеи сменялись пространствами Самарии; мысленно, представляя карту, я улетаю к горе Кармил, к Средиземному морю. Краски неба и земли были чистыми и четкими. И вот, прости мне, Господи, я усомнился в милости Божией. Мне бы благодарить Господа за Его милосердие, а я, бестолковый, вспомнил фразу о высоком содержании родона в источнике и подумал: это от родона у меня зрение улучшилось. И – всё. Краски стали меркнуть, линии рисунка поплыли, сливаясь в серые скопления пятен, я не различал даже стрелок на циферблате. Чудо кончилось по моей вине. Но то, что оно возможно, это точно. Ведь и апостол Петр пошел по водам, уже пошел как по земной тверди, но испугался и стал утопать. Вот так и мы утопаем в житейском море, не умея возвыситься над ним, хотя эту способность Господь нам даровал. Как когда-то человеку маленького роста Закхею в Иерихоне. Закхей, чтоб видеть Спасителя, вскарабкался на дерево, и его увидел Спаситель. Так и нам тоже надо карабкаться повыше, чтобы лучше быть увиденными и услышанными Господом.

Наши паломники в Святой Земле почти единственные, кто одухотворяет ее. Многие превращенные в музеи места святынь многими и воспринимаются как музеи. Например, стеклянно-бетонный комплекс, взявший в плен дом Иосифа Обручника в Назарете, где возрастал Христос. Там гиды говорят об архитектуре, о сюжетах росписи, о витражах, кто и когда их дарил и делал. Но наши паломники (мы были в Галилее на Светлой седмице) всюду воспевают пасхальные молитвы. Мало того, одна из наших монахинь, матушка Иоанна, знающая, кажется, все языки планеты, пела пасхальный тропарь и на английском, и на французском.

Мы улетаем из аэропорта Бен Гурион. Впереди меня допрашивали русскую паломницу. Совершенно бесхитростно и честно она отвечала на все вопросы. И хотя ее, как всех нас, инструктировали, как отвечать на вопросы таможенников, она говорила все как есть. Например, нельзя было говорить, что оставлял вещи без присмотра. Израильяне смертельно боятся палестинских террористов, того, что в вещи путешественников могут подложить бомбу.

– Кто выносил вещи из номера гостиницы до такси? – строго вопрошал высокий русскоговорящий таможенник.

– Миленький, – отвечала женщина, – мы на автобусе ехали.

– Кто выносил вещи от номера гостиницы до автобуса?

– Не помню, – честно отвечала женщина. – Такой хороший человек, такой хороший, схватил, помог донести, а сам убежал, я даже спасибо не успела сказать.

– Вы знаете этого человека?

– Да если бы знать, я б хоть его потом о здравии поминала.

Таможенник сделал паузу.

– Вещи сразу внесли в автобус?

– Нет, – честно докладывала женщина, – автобус опоздал.

– Вы стояли около вещей?

Женщина подумала, вспомнила:

– Нет, я с Марьей побежала проститься.

Таможеннику уже было плохо. Он уже боялся этих двух сумок женщины.

– Это ваши вещи?

– А чьи же? – отвечала женщина. – Я же их тащу.

– Положите на них руки.

Женщина послушно положила.

– Расстегните молнию на сумке наполовину.

Молнию заело, женщина тянула за язычок. Таможенник ждал. Наконец молния затрещала, сумка раскрылась. Показались горлышки бутылок, пучки свечей и букетик веток.

– Закройте, – приказал таможенник.

Сумка не закрывалась. Я дернулся помочь, мне запретили. Таможенник, весь красный и взмокший от напряжения, шлепнул печать на выездную декларацию. Протянул женщине. Она с чувством благодарила:

– Ой, миленький, дай тебе Бог хорошего здоровья, ой, какая же у тебя тяжелая работа.

И ведь она молится сейчас за него.

Чем еще удивительна Святая Земля: на ней за десять дней празднуешь все двенадцать праздников – от Благовещения до Вознесения, все Богородичные праздники, все события евангельской истории. Молитвенность наших православных является броней, за которую не проникают ни крики торговцев, ни атеистический комментарий гидов, ни обираловка на всех углах и во всех гостиницах – ничего. Мы в Святой Земле, слава Тебе, Господи! Самые горячие молитвы возносятся через лазурное палестинское небо к Престолу Господню из уст православных. Сколько записочек о здравии и упокоении подается во всех монастырях! Православные не делают различия, какая конфессия юридически владеет храмом в том или ином месте, православным главное: здесь был Спаситель, здесь произошло евангельское событие. Кто владеет церковью: католики, бенедиктинцы, францисканцы, греки, армяне, – не важно, везде православные молятся и плачут. Конечно, обидно, что годы разделения Русской Церкви привели к тому, что Русская Зарубежная Церковь утратила многие святыни, но, слава Богу, все потихоньку возвращается.

Много раз я невольно замечал, как наши паломники старались хоть чем-то да помочь Святой Земле. Видел, как две женщины торопливо собирали мусор с дорожек у католического монастыря, видел, как помогают старушке в Кане Галилейской таскать воду к цветнику. Можно ли себе представить в такой роли любого туриста из любой страны? Я говорю не в осуждение. Это же не входит в круг их обязанностей.

С нами были священники из Ставрополя, Краснодар, Москвы. Они привезли много свечей и в Храме Воскресения – это второе название Храма Гроба Господня – ставили их у Гроба, у Камня помазания, особенно у Голгофы. Пламя освещало внутренность храма все сильнее, и дежурный грек, что-то сказав весело, пошел и стал выключать электричество. Монахиня мне перевела его слова: «Так много света из России, что можно обойтись без искусственного освещения».

Во все дни пребывания в Святой Земле я ни разу не почувствовал себя за границей. Святая Земля – что русская земля. Для православных посещение евангельских мест – это путешествие по Святой Руси.

Святая Земля! Живи вовеки, и мы не умрем.

Слава Тебе, показавшему нам свет!

Крестная смерть Спасителя поставила Голгофу и Гроб Господень в центр мироздания. Где тот храм Соломона, пирамиды фараонов, башни Вавилона, маяк Александрии, сады Семирамиды, мрамор Пальмиры, где все богатство века сего? Все прах и тлен по сравнению с подвигом Христа.

Все в мире навсегда стало сверять свое время и время вечности по Христу. Все события в мире – это противостояние тех, кто за Христа, и тех, кто против. И другой битвы не будет до скончания времен.

Нам, малому стаду Христову, православным людям, дано величайшее счастье, выше которого нет, – причащаться Тела и Крови Христовых на Божественной литургии. И где бы она ни свершалась – в великолепном соборе ли, в бедной деревенской церкви, – значение ее одинаково и огромно: мы принимаем в себя Христа, свое единственное спасение. И все-таки никакая другая литургия не может встать вровень с той, что происходит ночью на Гробе Господнем в иерусалимском Храме Воскресения. Это только представить – Чаша с Телом и Кровию Христа ставится на трехдневное ложе Спасителя, освящается и выносится для приобщения участникам ночного служения.

Аз, грешный и недостойный, несколько раз был на ночной службе у Гроба Господня. И особенно помню первую, когда поехал на нее вместе с монахинями из Горненской обители. Было близко к полуночи. Ни обычного шума машин, ни людей, только огни по горизонту, только свежий ночной воздух и негромкое молитвенное пение монахинь.

От Яффских ворот быстро и молча шли мы по странно пустым узким улочкам Старого города, сворачивая в знакомые повороты, ступая по гладкости желтого, а сейчас темного мрамора. Вот широкие ступени пошли вниз, вот поворот на широкую площадь перед храмом. Справа – Малая Гефсимания, слева – вход в храм, прямо к Камню помазания. У входа – расколота небесной молнией и опаленная Благодатным огнем колонна, даровавшая именно православным Божию милость схождения огня в Страстную Субботу теперь уже далекого XIX века. Прикосновение к колонне, влажной от ночной росы, освежает и дает силы на предстоящую службу. А силы нужны. До этого у меня был счастливейший, но и очень трудный день, когда я с утра до вечера ходил по Иерусалиму, говоря себе: «Иерусалим – город Христа, значит, это и мой город».

Вообще я не сразу, не с первого взгляда, полюбил Иерусалим. Я говорю не о Старом городе, при входе в него обувь сама соскакивает с ног, как иначе? Здесь Скорбный путь, «идеже стоясте нозе Его», здесь остановившееся время главного события Вселенной, что говорить? Нет, я не сразу вжился в современный Иерусалим. Как этот город ни сохраняет старину, новые линии и силуэты зданий проникают всюду, как лазутчики материального мира. Мешал и непрерывный шум машин, и чрезмерное их количество, торговцы, предлагающие все растущие в своей изысканности и цене товары и пищу, которая тоже дорожала, но все заманчивей привлекала ароматами и внешним видом, мешали бесцеремонно кричащие в трубки мобильных (часто на русском языке) энергичные мужчины, мешали и короткие, ненавидящие взгляды хасидов – многое мешало. Но постепенно я сказал себе: что с того? Сюда Авраам привел своего сына, собираясь принести его в жертву. Здесь плясал с Ковчегом Завета царь Давид, куда больше? Отсюда пришла в мир весть о воскресшем Христе. Здесь убивали камнями первомученика Стефана, а дальше, налево, – гробница Божией Матери, внизу – поток Кедрова. Вот и Гефсиманский сад, вот и удивительная по красоте церковь святой Марии Магдалины, подъем на Елеонскую гору и головокружительная высота Русской свечи над Елеоном, православная колокольня, выстроенная великим подвижником архимандритом Антонином (Капустиним). Вот он, Святой Град, вот видны и Золотые ворота, в которые вошла Младенцем Божия Матерь

и в которые в конце Своей земной жизни въехал Ее Сын, Сын Божий. А вот и Храм Гроба Господня.

Яффские ворота и цитадель. Василий Поленов. 1888 г.

Вернувшись с Елеона, в тот же день я обошел Старый город. Шел вдоль высоченных стен из дикого камня, как ходят у нас на крестный ход на Пасху, – с паперти налево и вокруг храма, шел, именно так и воспринимая свой путь – как пасхальное шествие. И уже шум и зрелище современного мира совсем не воспринимались, были вначале фоном, а потом и совсем отошли. И башня Давидова помогла этому отрешению – она же почти единственная из дошедших до нас дохристианских зданий. И только в одном месте невольно остановился: мужчина в годах, в пиджаке с планками наград, наяривал на аккордеоне песню прошлого века: «У самовара я и моя Маша, а на дворе уже темным-темно». Ну как было не расстаться с шекелем? Но благодатный вход в Храм Гроба Господня отсек свежие воспоминания минувшего дня и придал силы. Особенно когда мы прикладывались к Камню помазания и в памяти звучали слова: «Благообразный Иосиф, с древа снем Пречистое Тело Твое, плащаницею чистою обвив и вонями, во гробе новом покрыв положи».

У Гроба, на наше счастье, почти никого не было, только греческие монахи готовились к службе. Я обошел Кувуклию, часовню над Гробом Спасителя. Опять в памяти зазвучал молитвенный распев: «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесех, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить». Справа от часовни на деревянных скамьях спали богомольцы. Они пришли сюда еще с вечера. Сейчас просыпались, тоже готовились к службе. У входа в часовню (внутри уже не пускали) горели свечи. В одном подсвечнике, как цветы в вазе, стояли снежно-белые горящие свечи. Поставил и я свою, решив не отходить от часовни, чтобы, даст Бог, причаститься у Гроба Господня. Я знал, что у Гроба причащают нескольких, а остальных, перенеся Чашу со Святыми Дарами, причащают у алтаря храма Воскресения.

Диакон возгласил:

– Благослови, владыко!

Возгласил он, конечно, по-гречески, по-гречески и ответил ему ведущий службу епископ, но слова были наши, общие, литургические:

– Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа.

– Ами-и-инь! – согласно включился в молитву хор наших монахинь из Горней.

Мне было очень хорошо видно и придел Ангела, и сам Гроб. Удивительно, как священнослужители, облаченные в служебные одежды и на вид очень грузные, так легко и ловко поворачивались, выходили из Гроба на преддверие. Частое каждение приносило необыкновенный прохладный горьковатый запах ладана. Какой-то очень родной, в нем была чистота и простор смолистого высокого бора. Молитвенными, почти детскими голосами хор монахинь пел: «Не

надейтесь на князи, на сыны человеческия, в нихже несть спасения». Новые возгласы диакона, выход владыки и его благословение. Видимо, по случаю участия монахинь из Горней – по-русски:

– Мир вам!

– И духови Твоему, – отвечает хор.

И вот уже блаженства. Начинается литургия верных. Тут все верные от самого начала. Ибо, когда были возгласы: «Оглашенные, изыдите», никто не ушел. А вот и Херувимская. Тихо-тихо в храме. Такое ощущение, что его огромные, ночью пустые пространства, отдыхающие от нашествия паломников и туристов, сейчас заполняются бесплотными херувимами, несущими земле весть о спасении. «Всякое ныне житейское отложим попечение».

А время мчится вместе с херувимами. Уже пролетело поминание живых и умерших, уже торопился вспомнить как можно больше имен знакомых архиереев, батюшек, родных, близких и многочисленных крестников и крестниц, просто знакомых, тех, кто просил помянуть их у Гроба Господня. Так и прошу: «Помяни, Господи, всех, кто просил их помянуть. Имена же их Ты, Господи, веши». Душа на мгновение улетала в ночную Россию. Отсюда, из сердца мира, где в эти минуты свершалось главное событие планеты – пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы, – кланялся я крестам храмов православных, крестам на могилах; как-то в долю мгновения вспоминались монастыри, монахи и монахини, читающие при восковых медовых свечах неусыпаемую Псалтирь и покрывающие молитвенным омофором российские пределы.

А мы здесь, у Гроба Господня, малое стадо русских овец Христовых, молились за свое многострадальное Отечество. Ко Гробу Христову я шел всю жизнь. И вот стоял у него и ждал Причастия. Ни ум, ни память это осознание не вмещали. Вся надежда была на душу и сердце. Я в ногах у Спасителя, в одном шаге от Его трехдневного ложа, в трех шагах от Голгофы. Ведь это же все, промчавшееся с такой скоростью, будет стократно и благодатно вспоминаться: и то, как молитвенно поет хор, как размашисто и резко свершает каждение здоровенный диакон, как смиренно и терпеливо стоят около простоволосых женщин наши паломницы в белых платочках, как внезапно и весело звенят колокольцы на блестящем архиерейском кадиле, как бесстрашно старуха в черном сует руку в костер горящих свечей и выхватывает оттуда догорающую, как бы пропалываемую пламя. И ставит взамен новую. И вновь хор, и вновь сыплются звуки от колоколов кадила, облетая храм по периметру. Гроб плотно закрыт облачениями священства. Так хочется невидимкой войти в Гроб и видеть схождение небесного огня в причастную Чашу. Говорила знакомая монахиня: «Нам дано видеть Благодатный огонь раз в году, а духовные люди его всегда видят. Потому что огонь небесный не уходит от Гроба Господня».

Молодых чтецов сменяют старики. Красоту греческой речи украшает четко произносимое имя Христа. В этом месте крестимся.

Выносят Чаши. Обходим вслед за нарядными священниками вокруг Кувуклии. Символ веры поет весь храм. Слышнее всего русские слова, нас здесь большинство. Голоса улетают вдаль, к пещере Обречения Креста, вниз, в потусторонность, в утешение почивших в вере и надежде воскресения.

Вдруг, как будто пришедший из былинной Руси, выходит и русский диакон. Он еще огромнее, чем греческий, весь заросший крепкими, еще не седыми волосами, настоящий раскаявшийся Кудеяр-атаман, и возглашает ектению. На каждое прошение хор добавляет:

– Подай, Господи!

И это незабываемое, нежное и просительное:

– Кирие, елейсон. Кирие, елейсон. – Это означает: «Господи, помилуй». Вообще, благоговеешь перед мастерством древнерусских переводчиков Священного Писания и церковных служб и в первую очередь Божественной литургии. И пасхального канона.

«Отче наш» поется еще слаженнее, еще молитвеннее. Один к одному совпадают русские и греческие слова Господней молитвы.

Внутри Кувуклии начинается причащение священников. Простоволосая высокая гречанка сильным, звучным голосом поет: «Марие, Мати Божия».

Вижу – Чаша стоит на камне в приделе Ангела. Вот ее берут и вздымают руки епископа. Выходят. Оба гиганта-диакона – по сторонам. Падаем на колени.

– Верую, Господи, и исповедую...

Столько раз слышанная причастная молитва звучит здесь совершенно особо. То есть она та же самая, до последней запятой, но звучит она над Гробом Господним, в том месте пространства, которое прошел воскресший Спаситель.

И тут случается со мной не иначе как Божие чудо – я оказываюсь прямо перед Чашей. Оглядываюсь, как сделал бы это и в России, ибо всегда мы пропускаем вперед детей, но детей нет. Меня оттирает было диакон, и, что особенно обидно, не греческий, а наш, но я, видимо, так молитвенно, так отчаянно гляжу, что он делает полшага в сторону.

Господи, благослови! Я причащаюсь!

Чашу переносят в Храм Воскресения, огибая по пути так называемый пуп Земли, центр мира, а я, совершенно безотчетно, по-прежнему со скрещенными руками, обхожу вокруг часовню Гроба Господня, кланяясь всем ее четырем сторонам, обращенным на все стороны света.

Утро. Сажу на ступенях во дворе храма. Тут договорились собраться. Думаю: «Вот и свершилось главное в моей жизни Причастие, вот и произошло главное событие моей жизни». Но потом думаю: надо же еще и умереть, и заслужить смерть мирну, христианску, непостыдну, надо же вымолить добрый ответ на Страшном судищи Христовом.

Встает солнце. И конечно, не один я мысленно произношу: «Слава Тебе, показавшему нам свет!» Оно бы не пришло на землю, если бы не молитва на земле и если бы не эта ночная служба.

И как же легко дышалось в то утро, как хорошо было на сердце! Оно как будто расширилось, заняло во мне больше места, вытесняя все плохое.

На обратном пути заговорили вдруг о Гоголе, его паломничестве в Иерусалим, и о том разочаровании, которое он испытал. Видимо, он ждал чего-то большего, чем получил. Но ведь вспоминают же его современники, что он стал мягче, добрее, сдержаннее.

Вспомнил и я свою первую поездку. Очень я страдал после нее. Думал: если я стал еще хуже, зачем же я тогда был в Святой Земле? И спас старый монах Троице-Сергиевой лавры, сказавший: «Это ощущение умножения греховности очень православно. Святая Земля лечит именно так: она открывает человеку его греховность, которую он раньше не видел, ибо плохо видели его духовные очи сердечные. Святая Земля дарит душе прозрение».

А вот и наш милый Горненский приют. Матушка, жалея сестер, советует отдохнуть хотя бы полтора часика. Но почти у всех послушания. И уже через два часа колокол Горней позовет нас на службу, в которой будут те же удивительные, спасительные слова литургии, что звучали ночью у Гроба Господня, только уже все по-русски. И все-таки, когда зазвучит: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф», отголоском откликнется: «Агиос, Агиос, Агиос Кирие Саваоф».

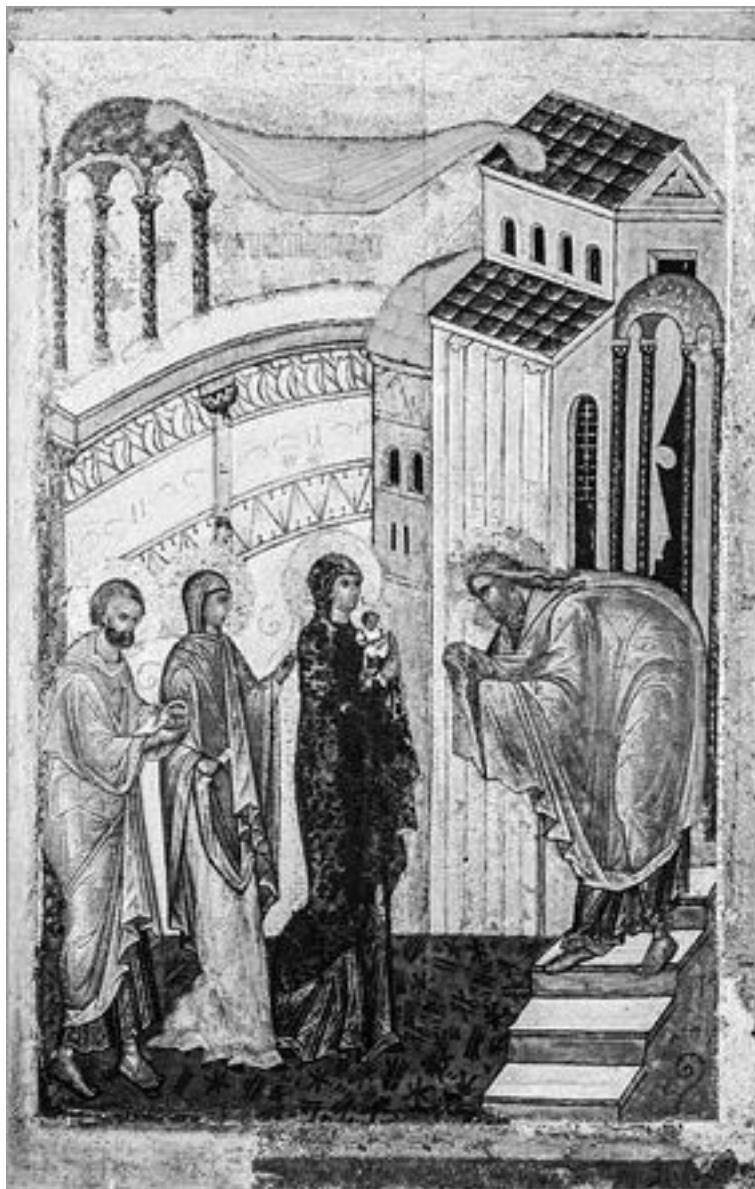
...Поздняя ночь или очень раннее московское утро. Гляжу на огонек лампы, на распятие, и возникает в памяти мелодия колокольных кадила у Гроба Господня, и ощущаю, как молитвы, произносимые у него, яко дым кадильный, восходят к Престолу Господню.

Там, где прошли стопы Его

Свят Божий мир, созданный Господом, сотворенный для счастья. Святые моря, горы и долины, и «вся, яже в них» (Пс. 145, 6). Но святее всего та земля, которой касались пречистые стопы Господа нашего Иисуса Христа и Его Пресвятой Матери, Девы Марии. И когда наш ум устремляется к Святой Земле, то трепетнее становятся мысли, очищаются чувства и возвышаются молитвы.

Святая Земля и Святая Русь – непостижимая, неразрушимая, вековая связь у них. Россия выстояла в веках, в невероятных страданиях только оттого, что более всех приняла в свое сердце Христа. В вере православной – наше спасение.

Сияние Святой Земли насильственно пригашалось, общение с ней искусственно прерывалось, но любовь к ней от этого только крепла. Все падало и рушилось: деньги, оружие, идеологии, кумиры, все бесследно расплывалось в пространстве и времени, а наши бессмертные души улетали к центру спасения мира – в Иерусалим, ко Гробу Господню, туда, где живет вечность.

Сретение Господне. Новгородская икона. XV в.

В Святой Земле ощущаешь, что никаких двух тысячелетий со дня боговоплощения не прошло. Все было и происходит сейчас, при нас. Сегодня засияла Вифлеемская звезда, на свет которой шли простые пастухи и ученые волхвы, сегодня Симеон Богоприимец и пророчица Анна встретили Его у врат храма, сегодня Он погружался в струи иорданские и «Дух же Святый в виде голубине» сходил на Него. Сегодня и всегда Он идет по дорогам Палестины, учит, исцеляет, насыщает хлебом земным и небесным, утишает бурю, сегодня восходит из-за нас, из-за наших грехов на крест спасения нашего ради, сегодня «воскресе из мертвых и смерть поправ», сегодня, оставив упование на Свое возвращение, возносится к Отцу Небесному...

Как же нам не стремиться в Святую Землю?!

Чудо чудное, диво дивное

Главное чудо России в том, что она сохранила и приумножает веру в Бога. И за это Господь спасает ее. Годы и годы *воинствующего* безбожия, страшные гонения на верующих, разрушение церквей, уничтожение духовной литературы... Было ли такое на Западе? Нет. Так что ж они такие безбожные, что ж такие оплетенные сетями бесовщины, разврата? Кто им запрещал уповать на милость Божию? Да никто. Сами захотели жить хорошо и комфортно и стали жить. И дожили до того, что стали биороботами, которым нужны сытый желудок, острые ощущения и безопасность. Но даже и они, что-то смутно чувствуя, посещают Израиль. Правда, когда обостряются отношения евреев и арабов, то туристов с Запада здесь почти не бывает. Боятся. А так как отношения обостряются непрерывно, то отсюда вывод – Святая Земля заполнена в основном православными.

В чудо надо просто верить. Только кажется, что наукой все можно объяснить. Но как объяснить, что отроки вавилонские не сгорели в огне? Или что отроки эфесские спали в пещере двести с лишним лет? Но ведь было же. А Чермное (Красное) море, которое расступилось перед израильянами? А река Иордан, которая потекла вспять, когда в нее вошел Иисус Христос? Любое евангельское чудо засвидетельствовано множеством людей. А насыщение пятью хлебами пяти тысяч? Причем – «кроме женщин и детей». Неужели все сговорились соврать, что их насытили? А чудо пророка Ионы, проглоченного китом и пробывшего в нем три дня? Тут свидетельств не называется, тут просто надо верить. Верить, как святитель, которого атеисты вопрошали: да как же это может быть? Святитель отвечал: «Если бы в Писании было сказано, что не кит проглотил Иону, а Иона кита, я бы поверил». Вот так и надо верить.

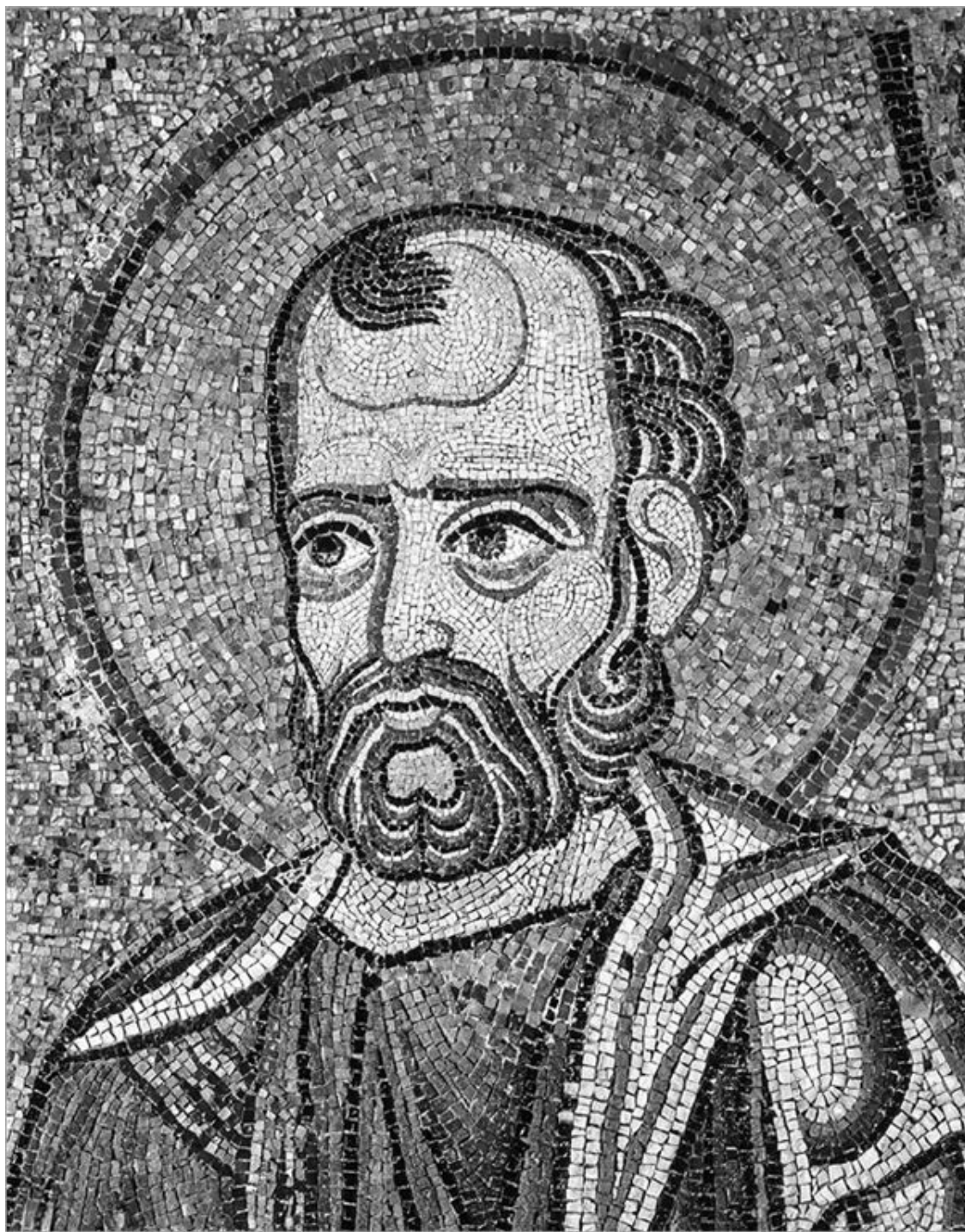
Как же не верить очевидному? Ведь все так и было. И не только Иисус ходил по воде, аки посуху, но и Петр. И мог бы ходить, если бы не испугался. Ведь шел уже – и стал утопать. «Почто усумнился?» – упрекнул Учитель.

И солнце останавливалось по молитве святого, и женщина превращалась в соляной столп, и вода становилась вином, и мертвые воскресали. Все было.

Велик Бог христианский! Он может все.

Да мы и живем среди чудес. Просыпаемся: какое чудо – день наступил! А ведь мог и не наступить. Солнышко светит или дождик идет – чудо какое. Водичка льется с небес. Цветок расцвел среди зимы на подоконнике. Зовите деточек полюбоваться. Птицы поют, бабочка села на тропинку, ветерок принес запахи леса, улыбнулся тебе незнакомый человек – все чудо, во всем Господь.

«Какая чудотворная икона всех чудотворней?» – спрашивают старца. «А вот тот бумажный образок, который ты носишь с собой».

Пророк Иона. Мозаика. Собор Святого Марка. XII в.

Прикосновение к вечности

Слава Тебе, Господи, опять я в Святой Земле, слава Тебе! Дай Бог паки и паки ходить по улицам Иерусалима и улочкам Вифлеема, стоять на Фаворе, погружаться в Иордан, восходить на Сорокадневную гору... Дай Бог вновь посетить все навсегда любимые места Палестины.

И оживает во мне радостное и благодарное чувство – я в Святой Земле! Сердце счастливо, грудь вдыхает животворный воздух спасения.

Жизнь моя пошла на закат, и никуда мне уже больше не хочется, только на родину, в Вятку, и сюда, в святыне пределы, которые прошли стопы Его.

Сию в прохладном дворике монастыря Герасима Иорданского, слышу, как попугай вперемишку с арабскими и греческими словами кричит по-русски: «Слава Богу! Слава Богу!» Это, сказала монахиня, его русские паломники обучили. Сiju и думаю: жил я только в детстве и старости, остальное – суeta суeta. Солнечное счастье открытия Божиего мира вскоре, по мере взросления, затенилось заботами дня. И вот – как и не жил, а было только детство да этот приход в Святую Землю.

Да, так. Разве что-то значат наши дела, какие-то свершения по сравнению с безмерной величиной прихода в мир Христа? И что такое любые страдания по сравнению с Его крестным подвигом?

Попугай кричит: «Бай-бай, бай-бай! – И после паузы: – Слава Богу, слава Богу!»

Давно, в детском блокноте, записал я от деда слышанный им, в его детстве, духовный стих: «Наша жизнь словно вскрик, словно птицы полет и быстрее стрелы улетает вперед. И не думает ни о чем человек, что он скоро умрет и что мал его век». Была в нем строка: «Наша жизнь словно сон, но не вечно же спать!» – тогда не понятная. А все просто, главное – у Бога нет смерти. День кончины – это день рождения в жизнь вечную, так что смысл земной жизни – однажды проснуться в жизни вечной со спокойной душой.

И это осознание – главный подарок Святой Земли. А она – уже навсегда – основа моей жизни. Она для меня – синоним Святой Руси. И это я записываю во взрослом блокноте, во время краткого пребывания на том месте, где ночевало Святое Семейство, уходящее от царя Ирода в Египет.

О, сколько же всего я перечитал о Святой Земле! Вбирал в себя текст прежде всего как читатель, а иногда и как человек, который дерзает добавить что-то свое. И в этом случае по-хорошему завидовал всем: игумену Даниилу, Трифону Коробейникову, Григоровичу-Барскому, Муравьеву, Норову, Хитрову, Смышляеву, Скалону, Лисовому, Житеневу – в общем, всем. Ибо изумлялся их памяти, их системному подходу. Как они привлекали в труды такое количество дат, событий, фамилий? После них я и не посмел бы писать научный труд, у меня задача скромнее – передать те ощущения, которые испытывал, пребывая в святых пределах. Если Господь и раз, и два, и три привел тебя в Палестину, нельзя же быть скрягой, обладающим богатством и не хотящим делиться им с теми, кто не смог сам посетить святыни Востока.

Святоземельские блокноты

Так их назову. Они велись в поездках, возвращались, уже исписанные, домой, лежали на столах и под столами, на подоконниках, даже забывались среди новых трудов и дней. Потом куда-то и вовсе исчезали. Но ведь звенела же в душе струна, натянутая меж сердцем и Святой Землей! Суета глушила ее, и я пугался, что струна оборвется. И тогда вспоминал о блокнотах, находил некоторые, и они воскрешали счастье испытанного присутствия в евангельском пространстве.

Видимо, для этого они и велись. Очень теперь жалею о потерях, особенно о записях корабельных паломничеств. Но хоть эти сохранились. Листаю их и думаю: надо выписывать из них главное.

Но все важно в Святой Земле, все! Вся она, единственная, в памяти сердца и зрения. Вылетает на взгорье автобус – и распахивается голубая страница Тивериады. Выезжает он из ущелья – и ты в Иудейской пустыне, в гостях у святых Георгия и Иоанна Хозевита, у Феодосия Великого и Саввы Освященного. Стоишь на Фаворе, у храма Преображения – и молишься, чтоб если забудет память зрения, то хотя бы память сердца сохранила эти всесветные просторы. Тут недалеко и Кана Галилейская; внизу, к озеру, Капернаум. А какой вид с горы Искушения, какой молитвенный простор! Виден Иерусалим, его главный опознавательный знак – Русская свеча-колокольня на Елеоне. К востоку – Иерихон, зеленые долины, Иордан. Мертвое море поблескивает слепым тусклым светом. Даже и Средиземное море проглядывает к северу. Тут враг нашего спасения предлагал Христу все царства мира, тут ему было сказано: «Отойди от меня, сатана!» Да везде великий трепет библейских событий. Погружаешься в Иордан – Боже мой, в реку крещения Спасителя! А Вифлеемская звезда, а Хеврон? Капернаум, Магдала. Источники, омывающие нас, грешных, явленные миру как милость небес: Божией Матери в Назарете и Горней, Иоанна Крестителя, Елисеевский, Силоамский, Марии Магдалины, Овчая купель. И ранние утренние, и поздневечерние, а то и ночные дороги Палестины: с севера на юг и с юга на север. Вдоль волн апостольского Средиземного моря или параллельно ночным прибрежным огням Иордании. И сердце то замирает, то бьется торопливей, и легкие вдыхают воздух вечности...

Как все запомнить, как передать? Да, записывал. Но попробуй успеть. С этой непрерывной повышенной нагрузкой на глаза и уши. «Посмотрите направо. Тут...» Да, надо записать. Но уже велят смотреть налево. Греческий храм, надо выходить, постоять на молебне, подать записочки, что-то купить для подарочков, а уже торопят, и опоздать нельзя. Ладно, вечером запишу. А как вечером? Когда приезжаешь на ночлег полуживой и хочется скорее хотя бы краткого сна. К шести на раннюю. А как же вечернее правило? А как же записи? Хотел же записать и то, и то, ведь забуду, ведь завтра снова огромный день. Огромный, как все дни здесь. Глаза слипаются, но рука упрямо еще что-то царапает. Утром разберу.

А утром и разобрать не могу, чего это вчера начертал. Но если сам плохо разбираю свой почерк, то кто его поймет? Вот помру, а помирать придется, и так все и пропадет? Пропадут вот эти записи вот в этих счастливых блокнотах. Счастливых тем, что были со мною в походах по Святой Земле.

Свежесть чувства глушится временем, и даже волевое усилие не может заставить память воскресить то состояние, которое было прожито в те мгновения. А в блокноте оно, пусть слабое, чувствуется.

То есть пришло время переводить рукописные каракули в печатные буквы. Запись во время события, пусть неуклюжая, торопливая, более скажет о событии, нежели крепость позднего ума.

Но еще: увы, ни дат, ни времени записей нет в блокнотах. И даже сам не понимаю, к какому месяцу или хотя бы году относится тот или иной блокнот или вот этот мятый клочок, исписанный и сверху вниз, и снизу вверх, и по диагонали. По большому счету и это не важно. Хватит того, что записи сделаны на стыке и столетий, и тысячелетий новой эры. Звучит, однако, громко. А как иначе? Новозаветные времена, летоисчисление начато от Рождества Христова, от Его прихода в мир для спасения грешников. Последняя милость Господа перед Страшным судом.

Начнем. Все оставляю так, как было записано. Единственное – буду для удобства восприятия дробить текст и иногда снабжать заголовками.

Удержать ощущение святости

Святыньки... Так издавна называют иконы, маслице, веточки, камешки, водичку из Иордана и других святоземельских источников. И фотографии копят, и записи. И как же много мы успеваем за срок пребывания здесь! Некоторые даже причащаются раза три-четыре за восемь дней. Еще бы – такие службы, в таких местах! У Гроба Господня на ночной литургии, у Вифлеемской звезды, у гробницы Божией Матери в Гефсимании, в Горненском монастыре, на Елеоне. Все это незабываемо, памятно до сладкой боли сердечной. Вот мы вернулись в любезное наше Отечество, а душа все там, там, где прошли стопы Его, там, где и мы, грешные, ступали в Его горячие следы, там, где сподобились причаститься Его Тела и Крови.

Но вот разбегаются из дома к новым хозяевам святыньки, заканчивается водичка, перестают источать запахи благоухания узелочки нитяных четок, высыхают и крошатся листочки и цветочки, собранные повсюду, и забывается уже место, где за ними нагнулся, только камешки честно несут службу памяти, да и то... Откуда вот этот, медово-желтый? Или этот, светло-серый, шероховатый? Из Вифании? С места вознесения? Из Лавры Саввы Освященного? Нет, скорее из Сорокадневного монастыря, он так помогает в Великий пост!

Не буду больше фотографировать

Фотографии – тоже хорошая память, но сам больше не буду снимать. Пробовал в одной поездке. Тогда еще не на цифру, на пленку. Исцелкал пленок десять по тридцать шесть кадров. Плохо, не резко, не в кадр, не корчил из себя фотохудожника, говорил: это моя записная книжка. И что? Только и заставил себя потом рассматривать снимки и соображать: а это где, а это кто, а с кем это я? А это какой монастырь? А эта улица в каком городе? А эта дорога куда пошла? Что за горы, что за люди? Конечно, хрестоматийные виды узнавались, но видов Иерусалима, Вифлеема, Назарета, Елеона напечатано такое количество многих тысяч (править стиль не буду), что куда я со своей самодеятельностью? То есть и снимки не получились, и записей не вел. Вдобавок это занятие оттягивало от молитв. Надо же точки съемки выбирать, да еще и сплошное расстройство: прицелился – тут облака пригасили солнце, тут в кадр кто-то въехал, тут под руку подтолкнули. Нет, уж если дерзаешь писать – пиши.

Но видывал я мастеров. Заболоцкий Анатолий. Едем с ним – Иордан, Иордания, гора Мохерос, дворец царя Ирода. Ближе сумерки, водители нервничают, начальство торопит. «Где ваш товарищ?» Это мне, об Анатолии. А он установил технику, ждет, ждет, когда молодой мусульманский месяц коснется вершины дворца. «Толя, они сердятся. Пора, темно, по горам тяжело ехать». – «Десять минут». – «Толя, смирись». – «Ну если они не понимают, – возмущенно кричит Толя, – ты-то должен понимать!»

А как на Афоне? Тоже с ним. Вместе книгу делали. Я помогал ему таскать аппаратуру. Но не могу же я, как хвостик привязанный, ходить за ним. Отстал, чего-то зазевался, на что-то засмотрелся. Выскакивает из-за поворота, гневно: «Ты где ходишь?» – «Вот», – протягиваю аппаратуру. «Зачем она мне сейчас? Свет ушел!» Мастер, куда денешься.

В небесных снегах

Из серой, холодной Москвы, из заснеженного белого Подмоскovie! Уже не обижают процедуры раздевания, разувания, просвечивания, даже и ощупывания. «В целях вашей безопасности». Интересно, когда улетаешь из Бен Гуриона, то мучают обысками гораздо меньше. Себя они гораздо энергичнее стараются обезопасить.

Взмыли над снегами, еще минут пятнадцать – и пошли над снегами уже облачными. Впервые, кажется, застал такой стремительный красный восход. Слева по горизонту красная граница меж облаками и небом расширялась и накаливалась, и набухала особенно сильно в одном месте; из него вдруг, как из домны, полился раскаленный металл, будто шла плавка. Металл отвердел и вылился в форму растущего шара. На него уже через десять секунд нельзя было смотреть. Хлопают шторы затемнения. Взлетели. Окна сразу замерзли. Минус пятьдесят два.

Навалили груды разноцветных тяжелых газет. Сплошь банкирские и актерские фото. А то уже и объединенные, актерско-банкирские. Страницы залиты разномерными шрифтами: грабежи, насилия, кино о грабежах и насилиях, умножающее грабежи и насилия, спорт, разводы, растраты, постели, пошлость, похоть. Вранье политиков, дозированные вопли обездоленных. Все это сейчас в буквальном смысле летит над Россией. Знали бы русские березы, для чего растут, на что используют их тела – символы владычества белого царя. Давно хотел писать роман «Макулатура». Основа и основание – холмы, горы макулатуры, собираемой тогда пионерами и вывозимой на бумажные фабрики для переработки на новую. Которую опять используют и испогают. Были бы в нем (романе) цитаты из завалов. А уже и неинтересно. Был же замысел в досвятоземельскую эпоху, то есть еще в допотопном моем состоянии. Хотя зря так говорить – в нашей семье отношение к Богу всегда было самое преклоненное. Дедушка по маме сидел в тюрьме за то, что отказался в Пасху работать. В доме всегда была икона, всегда яйца красили, на Рождество до полуночи спать не ложились, колядовали. И было ощущение радости. Хотя и церковь на кладбище сожгли, а другую переделали под клуб.

Стучат колесики по проходу, везут на тележке обед. Надо же – учтено – вегетарианский, пятница. Тут же лукавое подсовывание мяса, вроде бы и соевого, но мяса же. И программы раздали. Очень хорошая программа, да нет ночной службы у Гроба Господня. Но если будем жить близко к Старому городу, сбегая самостоятельно.

Чего-то никак не настраюсь.

Занялся радостным делом – долго писал записки о упокоении и здравии. По опыту знаю, что посещение храмов всегда бегом-бегом, кого-то и забудешь вписать, потом расстраиваешься. Сколько же прошло предо мною усопших, родных и близких! Число их больше, чем живых. И все увеличивается число о упокоении.

Обед был зело силен, хоть и соевый. Но без питья, слава Богу. О, а как летали в навсегда прошедшие года! Умели летать, умели. Летишь это, бывало, с Солоухиным, Беловым, Распутиным, Айтматовым...

Без однажды делегацию писателей в Магадан. Рейс все откладывали. Чем не повод для радости жизни? А над Таймыром – зона сложных метеорологических условий. Ил-86 так швыряло, так валяло, так подпинавало сложными условиями, что привез делегацию в суровые места трезвехонькой. Спустилась делегация по трапу бледная и серьезная. Глядим друг на друга – живые. Так это же что? Так надо же выпить за спасение души, отпраздновать приземление. А как вы думаете?

Не отвлекайся! Море. Открылся берег – Святая Земля!

«Пристегнуть ремни!»

Корабль для паломничества предпочтительнее, время на нем идет степеннее, молитвы в море серьезнее. Помню, как корабль всегда рано утром причаливал к Хайфе. Иногда не сразу принимали или медлили израильские таможенники. Корабль тихо лежал в воде, а во весь горизонт стелилась ветхозаветная гора Кармил, и я уже мысленно поднимался в гору, бежал мимо несуразного, но большого строения бахаитов (религии для всех и ни для кого), входил в пещеру Ильи-пророка.

Ощущение, что летим тихо-тихо, как на планёре, зависли прямо. Берег белый и темно-зеленый, дальше – горы, перед ними – разновысокие здания. На море пусто. Слабое солнце ходит по нему светлыми пятнами. Вот усилилось. Круглые башни Тель-Авива прямо тычутся под днище. Стучат выпускаемые шасси.

Тепло. Солнце. Едем, восходя... не восходя (а ведь даже на коленях тут ползли) к Иерусалиму, восемьсот шестьдесят метров над уровнем моря. Все такое родное: тут Иисус Навин в Аелонской (Оленьей) долине – вот она! – остановил солнце, апостол Петр исцелил праведную Тавифу. То, что солнце остановилось по молитве святого, людей веры не удивляет. Объяснение чуда наукой говорит об атеизме такой науки. Уж какой из меня молитвенник, но видел же я, грешный, в Страстную Субботу 1998 года при схождении Благодатного огня, как луч солнца ходил по храму Воскресения Господня. То есть или солнце ходило в небесах, или планета качалась туда-сюда.

Родина Иосифа Аримафейского и Благоразумного разбойника. Вдали гора пророка Самуила, Рамалла. Ведь я, счастливый, и там был. Монастырь молчальников. И тут был. Вино молча продают. Пылит гигантский цементный завод. Израиль постоянно и как-то лихорадочно обстраивается. Не побываешь год – ничего себе: место то же, да все не то. То и у нас так, такая же лихорадка, особенно в сильно интернациональной Москве.

Эммаус. Лука и Клеопа, апостолы из семидесяти. Ведь они в ту же ночь, когда узнали Спасителя в преломлении хлеба и Он стал невидим, они тут же пошли обратно в Иерусалим. Шестьдесят стадий, легко ли. Это не в автобусе с кондиционером. Шестьдесят стадий. А слово-то какое! Это же не только мера длины, еще и ступень, и этап, и корень слова, напоминающего о малом стаде Христовом, которое в ту ночь, страха ради иудейска, было воистину малым.

Явление Христа апостолам на пути в Эммаус. Сербия. XIV в.

Культурный слой повышается (это гид говорит), но не радостно от этого, это вода уходит. Вообще о проблеме воды говорят они постоянно. И кто виноват, что высасывают на поливку Тивериадское море? Овощи и фрукты на экспорт. И пруды с рыбой надо постоянно доливать.

Миндаль. Интересно, что он не как, например, вишня, вначале не выкидывает листья, а цветет. Незабываемо – стрелы веток, наряженные в бело-красно-розовые цветы. Оливы темно-серебристые.

Иерусалим

Молебен в миссии. Архимандрит Тихон (Зайцев) (ныне епископ). Рад сердечно. А я-то как рад! Вспомнили годы преподавания в Московской духовной академии. Отец Тихон всегда читал житие святого Зосимы в Неделю Марии Египетской. Тут уже четыре года.

Старый город. Обед. Сбегу! Как утерпеть – Гроб Господень рядом! А тут как сейчас заведут общую песнь многолетий всем начальникам. Не осуждаю, упаси Бог, меня же они и привезли из милости. Многая им лета!

Сбежал и счастлив. Все же рядом. Нью-гейт, Яффа-гейт, то есть и Новые ворота, и Яффские. Желтые, гладкие плиты под ногами. Обувь сама соскакивает с ног и прячется в пакет. По улице вниз и перед узорными воротами с решеткой сверху налево. Там тоже желтые плиты под ногами, но размера большего. Торговцев много, покупателей мало. Мир напуган террористами, едут сюда меньше обычного, но русских не запугать.

Торопился к храму. Помните меня, камни? Старый уже я стал, еще помню, как по вам, камни, цокали ослики, запряженные в узенькие тележки, нет их. Бегом вниз, тут направо, бегом дальше, камни под ногами исполинских размеров, метров сорок, всё! Господи, я у колонны, из которой вышел Благодатный огонь для православных, я у входа в храм, у Камня помазания. И на Голгофе! И везде почти один. Не рассказать.

В сам Гроб, в Кувуклию, очередь очень небольшая, и монах-грек не торопит. А то обычно они не церемонятся. Но и как сердиться? Такой бывает наплыв.

Запускают по четверо. Прошел на коленях внутрь. Как-то глохнешь, что ли, как-то отключается способность мыслить. Только судорожно просишь у Бога всего доброго родным и близким и торопливо, будто Господь и без меня не знает, перечисляешь их имена. И о России просишь, и за нее молишься. А вскоре уже просто лежишь горячим лбом на мраморе гладкой плиты. Восковые слезы свечей. Свечи белые.

И вышел, и обошел Кувуклию. И сейчас записываю и помню ее, такую родную, потемневшую от пламени миллионов свечей! Помню и всегда сидящего в часовне коптов маленького приветливого монаха. И гробницы Никодима и Аримафея. Да всё, всё! Но надо к делегации. И еще взлетел на Голгофу, и еще ощутил в глубине выемки, где стоял крест, холодный камень.

Отсутствия моего никто и не заметил. Когда пришел в храм со всеми, очередь уже стала изрядной. На Голгофе служили католики. Но они всегда дружно и недолго. Вот уже «Патер ностер», уже «Аве, Мария», кадят, дружно уходят. Молимся и мы, подвигаясь на коленях ко кресту.

Да, денежки на телефон летят как птички на юг. Но надо же было выразить счастье, что молился за родных и любимых у главного места Вселенной. Доллары тоже летят. Батюшкам кресты, два даже облицованы перламутром. Знаю, что надо торговаться, а не могу, противно. Хотя иногда возмущает заломленная цена. Противно, когда продавец, уже сойдясь на сумму, все-таки выморщивает еще сверх нее. Тем живет. А-а!

Гостиница та же, вроде и номер тот же, тот же вид на Елеон и Русскую свечу. Не утерпел, вечером – к Старому городу. Это же рядом. Перейти только мост над геенной, над Иосафатовой долиной. Так ревут стада гонимых скоростью машин, будто вот-вот все провалятся. Хотел обойти Старый город, не решился. Не успею, потом. Один раз обошел примерно за три часа, другой – за два. Можно и за полтора, но лучше всего, когда не спешишь. Такое счастье, даже в воспоминаниях.

Воспоминание

Утром, конечно, помчался ко Гробу. Уже и Порог Судных Врат, перед которым еще можно было заступиться за осужденного, но никто не заступился за Христа. Теперь тут Александровское подворье, оно наше, отделяется.

В храме впервые через десять лет поднялся на место, где был в прошлом веке на схождении Благодатного огня. Как попал? Господь привел, другим не объяснить. Толпой армян, в которую затерло, вынесло на второй ярус. Да, тут стоял; тут, на полу, спали монашки, которых армянские стражи хотели выкинуть. И за меня схватились. Но опять же Господь. Будто Ангел Хранитель за меня спросил армянку Манану (имя ее я узнал потом) о судьбе одного писателя, который для армян – как для нас Пушкин. А я его знал. Манана меня заужавала и защитила. От выброса. И монахинь защитила по моей просьбе. Ибо они ждали огня уже сутки и заслужили милость Его получить. Да, вот тут стоял. Внизу полицейские лупили сильно напирających и арабов, и армян, и коптов, да и греков. Крики, музыка, бой барабанов. Давка превышала утреннюю давку в опоздавшем автобусе раз в десять. «И *сюда* придет огонь?» – потрясенно думал не я один. Тогда же видел, и уже рассказывал, и повторю: видел, как по крыше Кувуклии ходил солнечный луч. То есть или вся земля наша колебалась в небесной тверди, или солнце качалось в небеси.

Потом еще и еще бывал на схождении огня и уже не удивлялся ничему. Тем более знал уже, что арабы скандируют хором то, с чем я очень согласен: «Наша вера правая, вера православная!» И уже приветствовал их: «Аль Масих кам!» То есть то же, что греческое «Христос Анести!». То есть то же, что наше «Христос Воскресе!». Воистину! Воистину! Воистину!

У Гроба – месса католиков. Принесли стулья, скамьи. Сидят, встают, громкий орган. Побежал к пещере Обречения Креста. Но орган доставал везде. То место справа от лестницы, откуда еще лет пятнадцать назад слышались страшные звуки (говорили: голоса грешников из ада), замуровано и облицовано белым мрамором. У Камня бичевания звуки органа стали тише и вскоре смолкли совсем. Но мне уже было пора уходить. Еще пробежал вдоль стен Старого города, но застрял в зарослях колючего вереска и продрался к тропинке. Ягодки голубенькие, мы такие в детстве ели, борясь с постоянным голодом. Собрал и букетик размером с мизинец.

Едем

Гид: «Сулейман Великолепный воздвиг стены вокруг Старого города, чем, собственно, и являлся Иерусалим. Под землей, под нами, прокопан ход к Иерихону».

Вопрос к gidу: «А что, все готово для восстановления храма Соломона?»

Гид: «Спасибо за доверие, но вопрос не ко мне. Продолжаю. Восстанут мертвые из гробов и соберутся в Кедронскую долину, переходящую в Иосафатову и идущую к Мертвому морю. Пророчество – лев ляжет рядом с ягненком. Наверное, заметили у дверей вашего отеля мраморную композицию – лев и ягненок? Это библейский сюжет. Сюда – монастырь "Патер ностер", сюда – греческой святой Пелагии».

Автобус опасно виляет. Гид: «Вот так. Здесь все водители – арабы и всех зовут Шумехеры. У нашего Али (Али поднимает руку и приветствует нас) дед был погонщик верблюдов, а внук погоняет автобус». Кто-то: «Автобус легче водить».

Гид обижен на перебивания, рассказывает о Саладдине, крестоносцах, храмовниках-тамплиерах: «Саладдин такой был усиленно благородный, он не разрушил строения, а их пере-профилировал».

Тяжело ездить с гидами-иудеями, всё-то они знают, всё-то они выведут в пользу израильтян. «У Аль-Аксы – мечеть в Старом городе, – был рыночный храм, из него Спаситель изгнал торгующих».

Лучше смотреть да молиться. Но иногда сам слух обостряется, когда что-то и у гида интересное. «Совет церковью рассматривал вопрос о Золотых воротах. Дебатировали – открыть их или оставить закрытыми. Ведь во Втором Пришествии Спаситель войдет именно через Золотые ворота. Мудрецы сказали: а что такое камни и кирпичи для Спасителя, он пройдет любые стены. Так и оставили».

Нет, кондиционер простудит любого. Свой перекроешь, продует соседским. Сосед отвернет краник струи в сторону – продует сзади.

Гид: «Беспокоить мертвых не есть хорошо. Открывают каменный гроб – скелет есть, мяса, прошу прощения, нет. Саркофаг в переводе – это поедающий мясо».

Еще надо учесть, что много евангельских событий произошло вне стен Старого города. Резиденция Каиафы, куда из Гефсимании привели преданного Иудой Христа, была там, где церковь апостола Петра. Ее легко узнать – на вершине сидит петушок в память о петушиных криках, обличивших отречение ученика от Учителя. Своей Крестной смертью в Риме ученик искупил вину краткого отречения.

Елеон

Монахиня Екатерина разбирает елку, с радостью говорит об объединении Церквей. Помню, и меня весьма нелюбезно не пустили сюда. А в другой раз, наоборот, даже позвали в трапезную. Все от людей зависит. Начальники ссорятся, а нам-то что?

«Рожковое дерево. Видели? Знаете? Иоанн Креститель питался. И мы с голоду не пропадем». Гид смеется.

Таинство Крещения бывало и в купели, наполненной оливковым маслом. Так его было много, мы же на Масличной (Елеонской) горе. Тут были давяльни, маслобойни, давяльня и есть в переводе – Гефсимания.

Церковь Филарета Милостивого, этого новозаветного Иова Многострадального. Хлеб белый, такой невесомый, но такой душистый и вкусный. А сами монахини рады ржаному хлебушке из России.

С годами все иначе. Что? Пугаюсь, что воспринимаю привычно, уже знаю, что и о чем расскажет гид или сопровождающая монахиня. Но ведь почему-то же тянет и тянет сюда, такая магнитность в этих местах, такая радость бытия здесь. Сажу на тех же ступенях у гробницы Божией Матери, на которых сидел, в первый раз причастившись на ночной службе у Гроба. Та же широкая лестница, которая тогда, на Успение, была уставлена справа и слева белыми горящими свечами. Золотые, жаркие ленты сверху вниз – к гробнице. Только посередине дорога меж пылающих обочин. Деточки бегали среди огня. Монахи нещадно вырывали немного погоревшие свечи, ставили новые. Вверху, в ящики, было навалено столько свечей, что они вываливались через край. Помню, мне очень было жалко, что они послужили такой малый срок, я набрал почти целых, увез в Москву и потом при молитвах зажигал их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.